

УДК 111

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-352-357

ЗНАК, СУЩНОСТЬ И СУЩЕСТЬ

Клёцкин Михаил Васильевич

Предмет исследования — знаковое выражение сущего в сознании в форме сущности, а также процесс становления понятия. Осознание сущности вещей проходит в три этапа: на первом сущность существует как физическое нечто, на втором — как неосознанная (но уже бытийствующая) сущность, на третьем — как осознанная сущность-понятие. Проанализирована взаимосвязь понятий «сущность», «знак», «сущее», «значимость» и предложена праксиологическая модель их объединения. Обосновывается утверждение, что существо (τὸ τί ἦν εἶναι) есть непосредственное и изначально бессознательное мышление сущей-самой-по-себе вещи, ее непосредственное бытие до всякого осознания, служащее основанием такого осознания. Кроме того, мы различаем существо и суть бытия вещи следующим образом: суть бытия — это определение сущести: определение неосознанного бытия сущей вещи через род и видовое отличие. На основании проведенного анализа утверждается, что бессознательные бытийные потребности прорываются в наличное бытие, творя символический ценностный образ сущего, ценностно относясь к сущему как к средству реализации потребности. Интерпретация знаков образует текстуру познания, т.е. устоявшиеся способы связи и использования сущностей.

Ключевые слова: сущее, сущность, значимость, ценностное отношение, вещь, Аристотель, аксиология, практика, истина, бытие, понятие, знак.

SIGN AND ESSENCE

Mikhail V. Klyetskin

Subject of the research — a symbolic expression of entity in consciousness in the form of an essence, and also the process of the development of the concept. Knowing of the essence of things goes through three stages: 1) essence exists as a physical something; 2) as an unconscious (but already existent) essence — «suschest»; 3) as a conscious essence-concept. The article analyzes the relation between concepts of essence, sign, entity, significance, and suggests praxeological model of their union. The author substantiates the assertion that «suschest» (τὸ τί ἦν εἶναι) is an immediate and initially unconscious thinking of the existing-in-itself things, immediate existence before any knowing, so serving as the basis for such knowing. In addition, we distinguish «suschest» and the thing's «essence of being» in this way: «essence of being» is the definition of «suschest» — defining the unconscious being of a thing through genus and species difference. On the basis of the analysis, the authors argue that unconscious existential needs break out into actual being, creating a symbolic value image of being, referring to the entity as to the instrument of realizing the need. Interpretation of signs forms the texture of cognition, that is, the established ways of connection and the use of essences.

Keywords: entity, essence, significance, value relation, thing, Aristotle, axiology, practice, truth, being, concept, sign.

Введение

В статье будет рассмотрено знаковое выражение сущего-самого-по-себе в сознании в форме сущности-понятия, а также сам процесс становления понятия. «О сущем говорится, правда, в различных значениях, но всякий раз по отношению к одному началу; одно называется сущим потому, что оно сущность, другое — потому, что оно со-

стояние сущности, третье — потому, что оно путь к сущности, или уничтожение и лишенность ее, или свойство ее, или то, что производит или порождает сущность и находится в каком-то отношении к ней; или оно отрицание чего-то из этого или отрицание самой сущности» [1, с. 119–120]. Сущее и сущность связаны самыми разнообразными способами, выделяются несколько видов как сущности, так и сущего. Собственно в осознании

и проговаривании этих взаимосвязей состоит задача фундаментальной онтологии.

Знак

Сущность-эйдос, понятийная форма, в которой сознанию является сущая вещь, является не просто фантазмом или симуляром, а *значимой видимостью*, т.е. миром знаков, имеющих смысл и ценность. *Все действительное является как знак, несущий смысл, а именно ценностный смысл предназначения*. Знак также является материалом для познания сущего в целом и универсальным типом соотнесенности сущего и сущности.

В качестве материала знак конституируется отсыланием, имеющим характер *для-того-чтобы*. Знак имеет свою определенную полезность — он для указывания. Указывание *на-значает* средство для осуществления потребности. «Отсылание» как указание основано на «полезности для», т.е. на потребности. «Полезность для» есть онтологическая определенность материала *как материала*. Знак — это материал-указатель в наличном бытии, всегда движущем и имеющем направление. Знак адресован специфически «пространственно-му» бытию, т.е. *показывает и структурирует* наличное бытие сущего, жизненный мир бытия и обстоятельства жизни индивида, в которых реализуется потребность. Знаки не существуют случайным образом, они упорядочиваются для удобства их применения, образуя структуру наличного бытия. Знак, таким образом, определяет бытие, *выделяет* пригодный материал из бытийного потока становления, делает сущее доступным для использования. В знаке о себе заявляет лишенность, она же осуществляется через пригодный для этого материал, находимый осмотрением в наличии или целенаправленно создаваемый сознательной деятельностью. Что обозначается, то становится доступным для использования, принимается в расчет сознанием.

Ценностное отношение есть реализация смысла бытия, оно *пред-на-значает* наличное бытие, образует его вещественным, т.е. вещающим о смысле бытия и сущем. Не случайно в русском языке слова «знак», «значимость», «знание» имеют общее происхождение: знание знаково и имеет значение (осознанный смысл). Знание и знак всегда несут ценностный смысл — бытийное предназначение, являющееся в знаке и раскрывающееся в его различии. Любые явления, даже сны, фантазии, мысли, являются, делают осознанными имманентные потребности бытия самости. Знак — форма осознания сущего-самого-по-себе

и наделение его смыслом. Знак символичен, он *переносит* в сознание неосознанный смысл, переносит на сущее (в форме знака) ценностное *отношение*.

Итак, знак — специфический бытийный способ осознания ценностного смысла бытия сущего, его «для-себя». Всякая «указательность» есть отсылание, но не всякое отсылание есть указывание, поскольку это отсылание может быть и неосознанным. Знак делает «видимым» и пригодным сущее в его бытийной представленности. *Каждый знак является модусом существования сущего — сущностью* (физической или умопостижаемой). Единое бытие распадается на отдельные сущности — различается. Знаки-сущности различаются и сравниваются между собой в зависимости от принадлежащих им физических или социальных свойств. Индивид всегда оценивает окружающие его предметы, дабы определить их пригодность для использования в своих целях, а в процессе сравнивания с другими известными ему предметами определяет их значимость-пригодность. Так создается жизненный мир индивида, обладающий определенной ценностной структурой. *Определенное* мироустройство бытия обычно отождествляют с сущим-самим-по-себе, но это, на наш взгляд, не совсем правильно. Непосредственно знаем мы не это сущее, а лишь его бытийный образ. Причем этот образ не «открывается» как заранее существующий, а создается бытием как знаковый. Можно сказать, что знак «овеществляет» бытие сущего. Бессознательные бытийные потребности прорываются в наличное бытие, творя символический ценностный образ сущего, ценностно относясь к сущему как к средству реализации потребности. Интерпретация знаков образует текстуру познания, т.е. устоявшиеся способы связи и использования сущностей. Так познание интерпретирует знаки, образуя осознанный «жизненный мир» — бытийный способ выживания индивида, создаваемый им для приспособления к движению сущего.

Сущность

В сознании сущее представлено как наличное бытие, как *мир сущностей*. «И вопрос, который издревле ставился и ныне постоянно ставится и доставляет затруднения, — вопрос о том, что такое сущее, — это вопрос о том, что такое сущность» [1, с. 188]. Сущностями принято называть как материальные единичные предметы наличного бытия, так и понятия, описывающие эти предметы или отношения между ними. В античном понима-

нии сущность — это истинное бытие предмета, ис-
ставший (истинный) образ вещи как в чувствен-
ной, так и в понятийной формах.

Трудным для понимания является вопрос об онтологическом статусе сущности: как соотно-
сится сущность с сущим? Поскольку любая интерпретация сущего начинается с наличного бы-
тия, сущности-понятия составляют материал и основание (подлежащее) всякого исследования.
«Ни единое, ни сущее не могут быть сущностью для вещей (οὐτε τὸ ἐν οὐτε τὸ ὃν ἐνδέχεται οὐσίαν εἶναι τῶν πραγμάτων)» (*Aristoteles. Met. 1040b 18–19*) [2]. Сущность — это не сущее-само-по-себе, хотя и выражает его. Сущее-само-по-себе — это нечто «ἐπέκεινα τῆς οὐσίας» (по ту сторону сущ-
ностей), т.е. оно не есть сущность, но при этом познается как сущность. Сущности, представля-
ющие в сознании сущее-само-по-себе, имеют од-
новременно как физическую, так и бытийную
природу, но их связь с сущим-самим-по-себе
остается определяющей. В своих поздних работах Стагирит отказался от концепции первой и вто-
рой сущностей (в этой концепции качества тоже объявлялись сущностями) в пользу концепции *це-
лостной сущности*. «Сущность есть всущий [то ενόν] эйдос, из которого и из материи [образова-
на] так называемая целостная сущность» (ἡ γὰρ οὐσία ἐστὶ τὸ εἶδος τὸ ενόν ἐξ οὐ καὶ τῆς ὑλῆς ἡ
σόνολος λέγεται οὐσία) (*Aristoteles. Met. 1037a 29*) [2]. Понятие «целостной сущности» включает в себя и собственно сущность-понятие (эйдос), и рассмотренную нами ниже «суть бытия», и сущее-само-по-себе-нечто (которое сущность-
понятие обозначает). Однако в Средние века и в Новое время учение раннего Аристотеля о двух сущностях было воспроизведено в новоевропейской философии в концепции двух независимых субстанций — духовной и материальной.

Сущности ни о чем больше не сказываются, но все остальные понятия сказываются о них. Сущ-
ностями не являются роды и виды, так как они лишь задают онтологические границы существова-
ния сущностей и являются абстрактными, а не конкретными (как сущности) понятиями. Даже такие предельно абстрактные понятия, как бытие и сущее, хотя они, так или иначе, сказываются обо всем существующем, не являются сами сущ-
ностями. «Бытие же ни для чего не есть сущность, ибо сущее не есть род» [3, с. 324]. Лишь в модаль-
ных суждениях бытие играет роль как бы подлежащего, о котором, однако, сказывается не род, а модальности возможности и необходимости (и их отрицания). Хотя сущее-само-по-себе —

это единственное более общее понятие, чем бы-
тие, но оно совершенно неопределенное и аб-
stractное, поэтому не может быть *определенным*
родовым понятием в каком-либо определении или
суждении, в том числе и в суждении о бытии.
«“Бытие” или “не-бытие” не есть означение вещи
(οὐ γὰρ τὸ ἐν δεῖναι ἡ μὴ εἶναι σημεῖόν ἐστι τοῦ
πράγματος), так же, когда скажешь “сущее” про-
сто, само по себе, ибо само по себе оно ничего не
значит и лишь имеет значение некоего связыва-
ния, без которого слагаемые не мыслятся» (*Aristoteles. De int. 16b 22–25*) [4]. Здесь Аристо-
тель следует за Платоном, у которого материя и
благо (так же, как и бытие) не являются сущно-
стями: «οὐκ οὐσίας οντος τοῦ ἀγαθοῦ, ἀλλ' ετι
ἐπέκεινα τῆς οὐσίας πρεσβεία καὶ δυνάμει
υπερέχοντος» (не сущность — существование
блага, но все еще за пределами сущностей, пре-
вышавшая их достоинством и могуществом) (*Plato. Resp. 509b*) [5].

Тем, что материя существует бытийно, она
близка к сущности, потребность же, например,
сущностью не является, так как в своей исходно-
сти она не определена как нечто вещественное.
Сущее, бытие, истина, потребность не имеются в
наличии как нечто чувственное, а осуществляются.
Сущее-само-по-себе, как и «чистое» бытие, не об-
означает что-то конкретное, а обозначает два кон-
ституирующих процесса, принадлежность к кото-
рым составляет важнейшую характеристику любой
единичной сущности и определяет ее истинность.

Хотя исходно сущность — это эйдос (понятие), но она не только эйдос. Сущность — это то, чем
налично становится нечто сущее в процессе ста-
новления действительности. «И все, что возникает,
возникает вследствие чего-то, из чего-то и стано-
вится чем-то (говоря “чем-то”, я имею в виду каж-
дый род сущего: что-то становится или определен-
ным нечто, или такой-то величины, или таким-то,
или где-то)» [1, с. 197–198], то есть становится
сущностью, о которой сказываются определенные
категории. Хотя «сущее само по себе не возникает
и не уничтожается» (τὸ ὃν αὐτὸν οὐ γίγνεται οὐδὲ
φθείρεται) (*Aristoteles. Met. 1051b 29–30*) [2], того
же нельзя сказать о сущностях (о наличном бытии
сущего). Бытие сущностей не есть случайный по-
ток сознания, наоборот, оно всегда необходимо,
так как фундируется сущим-самим-по-себе. Кроме
того, любой фантазм (представление) выражает в
символической форме некоторую потребность
(«зов бытия» по Хайдеггеру) и поэтому имеет
смысл. *Не случайна поэтому и такая характеристика сущности, как ее ценность.*

Рассмотрим сущность как понятие. Сущности-понятия играют важнейшую роль в познании. Они не просто обозначают нечто сущее, но выражают его важнейшие (ценные) для индивида стороны существования. «Эйдос — это понятие бытия как понятого (пойманного, знаемого) и поэтому содержит в себе ответ на вопрос, что мышление имеет в виду знать в качестве существенно сущего» [6, с. 234]. Возьмем дерево под нашим окном. Оно *существует* для нас как часть наличного бытия сущего, т.е. как образ в сознании — знак, знание, которое можно использовать. Действительное существование неотделимо от понимания: сущность наличной вещи двойственна, что всегда подчеркивалось в классической древнегреческой философии: она образна (μορφή) и понятийна (εἶδος). В первом случае дерево — сущая пространственно воспринимаемая единичная вещь, во втором — умопостигаемый понятийный образ. Сущее, выступая как материя, фундирует качества предмета как неотделимые от этого предмета свойства или как сопутствующие качества. Мышление, в свою очередь, определяет *значимость* сущих вещей, их пригодность для выполнения какой-либо задачи, формируя тем самым сущность-понятие. Сущности-понятия (эйдосы) изначально образуются как значимые и пред-назначенные, формируя, таким образом, предметный мир, имеющий начало существования вне самости индивида (в сущем-самом-по-себе) и одновременно в мышлении этой самости, образующей мир понятий-значимостей и придающей наличному бытию характер *пригодного*. Например, физическая сущность *существует*, будучи частью физического мира, а *значима* как часть бытия благодаря мышлению индивида.

Сущность-понятие — это то, как вещь *существует* для индивида в результате различения. Над ней нельзя поставить эксперимент, но ее возможно проанализировать, создать сущностную структуру сущего, истинность которой конституируется становлением бытия. Доказательство истинности или ложности рассуждений о чем-либо сводится к доказательству бытийного существования или несуществования рассматриваемых сущностей или их свойств (в этом смысле силлогистики), так как сущее-само-по-себе познаемо только в бытийной форме сущности. «Необходимо, говорим мы, чтобы посредством доказательства о чем бы то ни было, исключая сущность, доказывалось, что оно есть» [3, с. 323–324].

Сущность

Рассмотрим теперь другую ипостась целостной сущности — так называемую суть бытия, обозначенную нами термином «сущность». Суть бытия (τὸ τί ἦν εἶναι) — «странный иероглиф» аристотелевской философии, одно из важнейших онтологических понятий, в современной философии, к сожалению, практически неиспользуемое. Если сущность-понятие означает осмысленное «вот это» (τί), то суть бытия — это нечто еще не познанное, но бытийно существующее в мышлении — то, чем подлежащее суждения было (ἦν) до того, как стало этим конкретным подлежащим (τί εἶναι). Суть бытия, таким образом, связывает сферы сущего и наличного бытия сущего. В ранней работе «Категории» Аристотель еще не разделял сущность и суть бытия, вместо этого он говорил о двух видах сущности (эта традиция, благодаря комментариям Порфирия к «Категориям» Аристотеля, сохранилась и в средневековой и новоевропейской философии, поскольку она не выделяла неосознанное бытие как онтологический концепт). Сущность обозначает еще не осознанное бытия вещи — ее «τὸ τί ἦν εἶναι» — бытие сущего-самого-по-себе, еще не представленного как конкретное нечто. Сущность сохраняет самотождественность целостной сущности в двух ее ипостасях: как нечто сущее-само-по-себе и как понятийно существующее. Собственно говоря, «τὸ τί ἦν εἶναι» — это то, что иногда обозначается как вещь в себе — нечто сущее в бытии, но еще не познанное. Когда же проговаривающее мышление проясняет бытийствующее сущее (делает его определенным τί), тогда оно проясняет и сущее-само-по-себе, делает его истинным.

В аристотелевской логике суть бытия — это обозначение бессознательного бытия чего-то сущего — логическое определение сущего бытия того, о чем идет речь в суждении. Рассмотрим, например, суждение «стол желтый». «Стол» — это сущность, «желтый» — это бытийное выявление (φάσις) определенной сущности (его «τί»). Сущность зачинает (υπάρχει) свои качества (сопутствующие свойства). Вернее же — зачинает качества не сущность, а стоящие за сущностью сущее-само-по-себе и суть бытия. «Суть бытия [τὸ τί ἦν εἶναι] каждой вещи означает то, что эта вещь есть сама по себе... только определение, в котором сама вещь не упоминается, но которое ее обозначает, и есть определение ее сути бытия» [1, с. 191]. Суть бытия вещи выражается в определении, которое показывает то, чем была рассматриваемая сущность до того, как стать осознанным бытием, до его явленности чем-то определенным. Аристотель

задается вопросом: «бытие платьем — есть ли это вообще некоторая суть бытия?» [1, с. 192]. И отвечает на него положительно, уточняя при этом, что «суть бытия имеется только для того, обозначение чего есть определение» [1, с. 192]. Она не существует отдельно от сущей-самой-по-себе вещи. Однако, по нашему мнению, Стагирит неудовлетворительно различает «обозначение чего есть определение» и само определение, поскольку называет их одним термином (*τὸ τί ἦν εἶναι*). Это дает основания для путаницы в терминах и в переводах. Все-таки невозможно чему-то определенному «*τί*» (определению) быть одновременно неосознанным, т.е. aristotelевский термин «*τὸ τί ἦν εἶναι*» внутренне противоречив во временном отношении. Необходимо снять эту противоречивость в дальнейшем различении этого термина. Но как эту задачу осуществить?

Выражение «*τὸ τί ἦν εἶναι*» слишком громоздкое, а его перевод как «сугубы бытия» слишком затмняет, на наш взгляд, его смысл. Поэтому мы предлагаем переводить его словом «сущность». «Сущность» — слово, придуманное В.В. Бибихиным для перевода специфического хайдеггеровского термина в заметках на полях к «Бытию и времени». Этим термином Хайдеггер обозначает одновременно как бытие, так и сущность, показывая, что они есть бытие и сущность сущего-самого-по-себе. Мы же называем сущностью такое *нечто*, которое не сущее-само-по-себе и не понятие-сущность, а есть некоторое впечатление (переживание) в душе, выражаемое определением. Это опосредующее звено между понятием и сущим-самим-по-себе, то, чем было бытие вещи до того, как стать осознанным. Выражение сути бытия какого-либо нечто через определение описывает ставшее действительным бытие этого нечто в возможности. Не нужно отказываться и от термина «суть бытия», однако он должен приобрести смысл, отличный от смысла «сущности». Мы различаем сущность и суть бытия следующим образом: суть бытия — это определение сущности, определение неосознанного бытия сущей вещи через род и видовое отличие. Сущность — неосознанное бытие физической сущности, суть бытия — дефиниция этого бытия.

Сущность может существовать без сущностного понятия, а такая сущность без сущности (например, кентавр), поэтому неправильно их отождествлять. Сущность непосредственно заинает сущность-понятие и составляет его смысл. Феномен в таком случае — явление сущности в качестве определенной сущности. Сущность — бытийно-сущее основание осознанного бытия вещи. Физи-

ческое (материальное) бытийствует как сущность-понятие только через посредство сущести. Нематериальные сущности (треугольник, кентавр) могут о сущести не сказываться. Сознающее сущести мышление становится действительным, осуществленным. Качества познаваемой сущности есть качества состояний психики, заинаемых сущим-самим-по-себе и являющихся сущими именно как состояния души. Важно различать состояния психики и то, чем эти состояния вызываются, т.е. бытие сущего-самого-по-себе и само это сущее. При сущем движении сущего-самого-по-себе в душе (мышлении) возникают некие неосознанные и еще не реализованные в действительности предрасположенности (способности), уклады (состояния) и страсти (*Aristoteles. EN. 1105b 19–21*) [7]. Причем это не «застывшие» состояния и предрасположенности со страстями, а непрерывно меняющиеся и различающие действительное бытие индивида. На эту изменчивость сущести не обратил внимание Аристотель, так как для него было важным найти общую для всех основу истинного познания. Почему, например, все наблюдатели считают истинным высказывание, что данный стол желтого цвета? По мнению Аристотеля, потому что сущее, именуемое столом, вызывает в мышлении всех присутствующих идентичное впечатление — сущесть данного стола, качеством которого для всех будет желтый цвет (*Aristoteles. Met. 1009a 36–38*) [8]: «*ετὶ δ' ἀξιώσομεν αὐτούς ύπολαμβάνεντας καὶ ἄλλην τινά οὐσίαν είναι των δυτῶν η ὁδε τίνησες υπάρχει ούτε φθορά ούτε γένεσις το παράπαν*» (а кроме того, мы требуем, чтобы они приняли бытие и некой иной сущности сущего, которая вообще не заинает [*υπάρχει*] никаких движений — ни гибели, ни возникновения). По нашему мнению, речь в данном фрагменте идет именно о сущести. Но в таком случае, исходя из современных знаний о природе познания, трудно согласиться с данным высказыванием. Сущесть не есть что-то неизменное, ведь сущее-само-по-себе тоже меняется, изменяя, в свою очередь, и сущесть. Ну а сущесть заинает изменения как истинного определения сути бытия вещи, так и ее сущности.

Заключение

Таким образом, сущесть есть непосредственное и изначально бессознательное мышление сущей-самой-по-себе вещи, ее непосредственное бытие до всякого осознания, служащее основанием такого осознания. Сущести существуют трансцендентально по отношению к наличному бытию, определяют его содержание и служат одним из

его онтических и онтологических оснований. Сущность какой-либо сущности выражается в ее определении (через род и различие внутри рода), которое отграничивает бытие данной сущности от других сущностей и тем самым структурирует осознанное (и поэтому наличное) бытие. Определение сущности определяет не единичное сущее, а сразу некоторую область бытия схожих и в конкретный момент неразличимых впечатлений, называемых в логике объемом понятия.

Между сущим-самим-по-себе, сущностью и сущностью есть неразрывная связь, без которой мы бы не имели знания о сущем, а сущности бы не существовали. В рассмотренном нами примере нечто сущее-само-по-себе зачинает сущность стола (его бессознательное бытие), а эта последняя — сущность стола (его наличное бытие). Это единство дает основания для отождествления стола-самого-по-себе и бытия столом в новоевропейской философии, но такое отождествление должно быть не априорным, а различенным в самом себе и основываться на исходном для философии различении бытия и сущего. Целостная сущность разделяется: 1) на нечто сущее-само-по-себе; 2) сущесть; 3) сущность-понятие, служащее подлежащим в суждении и вообще основой познания.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 64–366.
2. Aristotle's metaphysics: in 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1970.
3. Аристотель. Вторая аналитика // Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 256–346.
4. Aristotle. Categories and De Interpretatione / tr. with notes by J.L. Ackrill. Oxford: Clarendon Press, 1963.

5. Platonis opera: in 5 vols. / ed. by J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900–1905.
6. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб.: Наука, 2007. 784 с.
7. Aristotle. Nicomachean Ethics / tr. by D.W. Ross. 1955. Vol. 9. P. 339–444.
8. The Works of Aristotle. Vol. 1–2 // Great Books of Western World. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1952. Vol. 8–9.

Получено 23.04.2017

References

1. Aristotle. *Metaphizika* [Metaphysics]. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1975, vol. 1, pp. 64–366. (In Russian).
2. Aristotle's metaphysics: in 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1970. (In English).
3. Aristotle. *Vtoraya analitika* [Posterior Analytics]. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols.]. Moscow, Mysl Publ., 1978, vol. 2, pp. 256–346. (In Russian).
4. Aristotle. *Categories and De Interpretatione* / tr. with Notes by J.L. Ackrill. Oxford: Clarendon Press, 1963. (In English).
5. Platonis opera: in 5 vols. / ed. by J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1900–1905. (In English).
6. Akhútin A.V. *Antichnye nachala filosofii* [Ancient principles of philosophy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007, 784 p. (In Russian).
7. Aristotle. *Nicomachean Ethics* / tr. by D.W. Ross. 1955, vol. 9, pp. 339–444. (In English).
8. The Works of Aristotle: Vol. 1–2. *Great Books of Western World*. Chicago: Encyclopaedia Britannica, Inc. 1952, vol. 8–9. (In English).

The date of the manuscript receipt 23.04.2017

Об авторе

Клёткин Михаил Васильевич
кандидат философских наук

e-mail: samkoms@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2481-7379

About the author

Klyetskin Mikhail Vasil'evich
Ph.D. in Philosophy

e-mail: samkoms@mail.ru
ORCID: 0000-0002-2481-7379

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Клёткин М.В. Знак, сущность и сущесть // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 3. С. 352–357. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-352-357

Please cite this article in English as:

Klyetskin M.V. Sign and essence // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 3. P. 352–357. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-3-352-357